

«Юность» продолжает развивать новую рубрику — «100 книг, которые потрясли мир». Не только потому, что продолжают споры вокруг предложения Владимира Путина о списке 100 книг, которые должен прочитать каждый выпускник школы. Не только потому, чтобы выявить свои вкусы или чье-то безвкусие. И не потому, что в мире существует всего 100 книг, которые почитать еще как стоит. Конечно, их гораздо, гораздо больше. Но на эту сотню книг обратить внимание стоит — чтобы отблагодарить и время, и планету, которые породили великих писателей.

Уважаемые читатели! Редакция предлагает всем вместе составить список 100 книг, которые потрясли мир и которые необходимо прочитать каждому выпускнику. Ждем ваших писем! Всем спасибо за первые отклики!

«Не может быть художник холодным, когда он творит! С рыбьей кровью и лежачим от ожирения сердцем настоящего произведения не создашь и никогда не найдешь путей к сердцу читателя. Я за то, чтобы у писателя kloкотала горячая кровь, когда он пишет, я за то, чтобы лицо его белело от сдерживаемой ненависти к врагу, когда он пишет о нем, и чтобы писатель смеялся и плакал вместе с героем, которого он любит и который ему дорог. Только при этих условиях будет создано настоящее произведение искусства, а не подделка под него...»

Эти поэтичные и патетичные слова принадлежат Михаилу Александровичу Шолохову. Как жаль, что в наших охлажденных сердцах все меньше места для откровенной поэтики и патетики. Как жаль, что не только искусство, но и весь мир иногда кажется грубой подделкой. Как жаль,

что смеяться и плакать вместе с персонажем удается все меньше. Больше — молчать. Как жаль, что безобразное все чаще принимают за вершину творчества. И наоборот...

Классик советской литературы, признанный на мировом уровне. При жизни. Okлеветанный и оболганный. После смерти. Судьба человека... Точнее — судьба гениального советского писателя. Который жил на советской земле. И низко этой земле поклонился. Который жил в Советской стране. И низко этой стране поклонился. За что его было любить? За творчество, которое стало одной из вершин соцреализма? За его членство в ВКП (б), ЦК КПСС? За депутатство в Верховном Совете СССР?.. Он был награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ста-

линграда», «За победу над Германией», Золотой медалью имени А. Фадеева, наградами других государств. Дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской и Ленинской премий, Международной премии мира в области культуры Всемирного совета мира, международной литературной премии «София», международной премии «Лотос» Ассоциации писателей стран Азии и Африки. И — в конце концов — лауреат Нобелевской премии по литературе (за роман «Тихий Дон»). В одних только наградах — биография. Коротко и ясно. Трудная судьба человека XX века, которую он смог сделать удачной.

К слову, кампанию по присуждению ему Нобелевской премии стал вести английский писатель лорд Сноу, большой почитатель таланта писателя. Так получилось, что за год до этого, в 1964 году, Нобелевскую премию присудили Жану-Полю Сартру, который отказался ее принять, заявив: «Я не буду получать Нобелевскую премию, пока ее лауреатом не станет Михаил Шолохов!»

А в перестроечное время «свободы» слова началась настоящая травля уже ушедшего от нас писателя. В основном опять же за великий и громкий «Тихий Дон». Еще бы! Написал в 23 года! (Первую книгу «Тихого Дона».) Разве такое возможно?! Разве такое реально?! Даже если это реализм... социалистический. Хотя еще до «Тихого Дона» были написаны «Донские рассказы»... А Пушкин, а Лермонтов, а Моцарт, в конце концов? С мертвыми легче бороться. Особенно в условиях, когда свобода слова превратилась в свободу грязных сплетен, клевет и поклепов. Гений не прощается даже после смерти. И, увы, чтобы достойно принимать талант, нужно быть по меньшей мере Сартром. Или лордом Сноу.

Шолохов Сталинскую премию передал в фонд обороны, Нобелевскую — на постройку школы в родной станице Вёшенской. Он прожил в Вёшенской практически всю свою жизнь. И, наверное, правильно сделал. Ведь гений не прощается не только после смерти. Но и при жизни тоже. Шолохов — признанный живой классик — сумел сделать свою жизнь счастливой (если какую-либо жизнь можно назвать абсолютно счастливой). Даже когда с 1960-х годов фактически отошел от литературы. Он от этого не страдал. Он сумел избежать литературных дразг, зависти, козней. Хотя бы чисто формально. В станице Вёшенской легче было этого избежать. Хотя, безусловно, он активно участвовал в общественной жизни. Выступал на съездах, конференциях. Принимал делегации, в том числе из других стран. Сам ездил по стране и бывал за границей. Много помогал

Михаил Шолохов, 1928 год — год, когда журнал «Октябрь» начал публикацию первой книги «Тихого Дона»

молодым писателям. И все же... Он жил в станице. Ему как-то удалось сделать свою жизнь долгой (для писателя). Спокойной (для писателя). И гармоничной (для писателя). Он даже сумел прожить ее с одной женщиной — 60 лет! Что не каждому удастся, не говоря о писателях. И быть похороненным во дворе своего дома, который теперь — музей. Шолохов открыл дверь для всего мира. А сам любил смотреть через окошко. На этот самый мир... Так он был ему гораздо понятнее... И гораздо приятнее...

А почему бы и нет? Тихий Дон. Его тихий Дон. Который иногда тревожат дожди. Худые березки на берегу. Его березки. Которые иногда тревожит вечерний ветер. Песни соловья поутру. Его соловья. Которые он обожает слушать. Чтобы не слышать другое. Пусть где-то там... Далеко... Где нет рек, берез и соловьев, в него бросают камни. И шепчут со всех сторон: плагиатор... конъюнктурщик... подпевала власти... Он этого не слышит. Он посмотрит в окошко и увидит то, что видел много-много лет. Свою прекрасную родину. И свою великую страну...

И к нему обязательно придет Юрий Гагарин. Который не мог не приехать. Два человека, по-своему ворвавшиеся во Вселенную. Очень мо-

людьми. Два человека — для Вселенной. Космонавт и писатель. Два человека будущего. Потому что покорение космоса еще впереди. Потому что возрождение соцреализма неизбежно впереди тоже. И неизвестно, что легче... «Шолохов полон сердечности и дружелюбия, — напишет потом Гагарин. — Он располагает к себе с первой же фразы. Создается такая атмосфера, что кажется, будто лично знаком с ним уже давно и он с давних пор знает твою жизнь. Слушать его — огромная радость. Мне приходилось бывать в разных странах, встречаться с разными людьми, в том числе с писателями, с деятелями искусств. Должен заметить, что речь Михаила Александровича совершенно своеобразна, на редкость самобытна, образна, лаконична. Слова у него свои, шолоховские, я бы сказал, всегда свежие, будто никогда их до этого ты не слышал. Тут уже исчезает грань между Шолоховым и его книгами. Очевидно, это закономерно для такого, как он, выдающегося художника».

Соцреализм — это не течение. Не направление. Не стиль. И не стилистика. Это — жизнь. Невозможно сказать: кто-то вышел за пределы соцреализма. Потому что у соцреализма нет пределов. Как нет и пределов у Вселенной. Соцреализм — это и романтизм, и реализм, и футуризм, и акмеизм, и авангардизм, и модернизм и, конечно, пост... все-го вместе взятого. И еще того, что не придумано. Соцреализм вобрал в себя все направления, течения, разночтения, при этом открыв все границы для будущих. Дело в другом. Он был моментом моментальной эпохи (по отношению к вечности). Конкретной эпохи. И эта эпоха, увы, становится менее понятна, чем чуть ли не феодальный строй. Потому что эта эпоха — будущего. Когда один — за всех. И все — за одного. Когда запросто можно отдать жизнь за идею. Когда жизнь вырастает из ее бытовых деталей, обретая величайший и глубочайший смысл. И этот смысл делает жизнь наконец-то понятной... Хотя сегодня это трудно понять. Впрочем, как и было бы трудно понять в феодальном строе.

Как и трудно понять, что такое «Поднятая целина». Коллективизация. Это слово уже становится анахронизмом. Ругательством. Его должны изучать историки? Или все же читатели. Художественной, в высшем понятии художественной литературы. Легко изучать. По роману Шолохова. Трагическому. Впрочем, где и трагическое, и комическое, и лирическое делают его роман блистательным. По-народному. По-народному ярким. И противоречивым. И по-народному — с невинным лукавством. Чего стоит один дед Шу-

М. А. Шолохов с внуками Сашей и Андреем.
1964 год, ст. Вёшенская

карь — пример шедеврального комического персонажа в мировой литературе. И писатель — не сторонний наблюдатель. Он участник событий. Он лично, активно участвовал в социалистическом преобразении Донщины. Поэтому он буквально за руку привел своих персонажей из жизни в литературу. «Шолохов привел с собой в литературу людей из народа, или, как говорят, простых людей, и они заняли в его романах не боковые места и не галерку, а самый центр этого набитого битком людьми зала. Он заставил смотреть на них, прежде всего на них», — писал Константин Симонов. А удачные массовые сцены — редкость для любого творчества...

Главные герои — Давыдов, Нагульнов, Разметнов — не просто герои романа. Они — герои своей эпохи. Ради которой в любой момент готовы отдать жизнь. Их собственная жизнь — далеко вторична... И сама речь, например, Нагульнова, из отчаянно гражданской перерастает в комическую, но остается гражданской: «То и мужчинское дело, куда пошлет партия. Скажут мне, допустим: иди, Нагульнов, рубить контре головы, — с радостью пойду! Скажут: иди подбивать картошку, — без радости, но пойду. Скажут: иди в доярки, коров до-

П. В. Вильямс. Эскиз декорации «У сельсовета»
к опере И. И. Дзержинского «Поднятая целина». Постановка Б. А. Мордвинова. ГАБТ. 1937 год

ить, зубами скрипну, а все равно пойду!..» Можно ли теперь это понять? То время — главный герой романа. Время коллективизации. И они делают невозможное. Они убеждают людей, что личное никогда, никогда не сделает их счастливыми. Убеждают даже ценой собственной смерти. «Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака...» Они — далеко не совершенство. Они просто хотели усовершенствовать жизнь. И верили в это. Им умирать было легко... Потому что они понимали, что крестьянский мир — это не беспросветная тьма и невежество. Это сила веры. И сила правды. Даже если до них еще далеко...

В 1933 году в Норвегии, Швейцарии и Франции вышел первый том романа (второй сгорел во время Великой Отечественной и был восстановлен позднее). Роман переведен на чешский, польский, болгарский, испанский, китайский, норвежский, турецкий, сербский, английский и другие

языки народов мира. Вот вам и коллективизация! Вот вам и анахронизм! Всемирный успех! Вот вам и Шолохов! Скромный лауреат Нобелевской премии из станицы Вёшенской. Где только тихий Дон, березки да соловьи... И, конечно, распахнутое окно, из которого виден весь мир... И этот мир ему покорялся...

«Вы, русские, крепко любите Шолохова, но все же полностью не можете себе представить, кем он является для всего человечества... Привыкли к нему, как к земляку и соседу. А для нас, иностранцев, все это — откровение русской души, ее широты и щедрости... Он пробуждает скрытый в наших душах огонь, приобщая к великой доброте, великому милосердию и великой человечности русского народа», — написал французский публицист и переводчик Жан Катал. И еще. Он же: «Нет такого народа, который не мог бы чему-нибудь научиться у другой нации». Конечно, нет. Мы все учимся друг у друга. И нас всех учат великие авторы. Такие, как Михаил Александрович Шолохов. Как и еще 99 писателей, которые потрясли мир.